

РУССКИЙ ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ «МЕРТВАЯ ВОДА» ВЭНЬ ИДО В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «ТРЕХ КРАСОТ»¹

Чжан Хуаньюй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 октября 2022 г.

Аннотация: *Вэнь Идо (1899–1946) — один из значительнейших и своеобразнейших китайских поэтов, прокладывавший новые пути развития китайской поэзии на разговорном языке, обогативший ее новыми темами и новыми ритмами. Хотя, начиная с 1950-х гг. многие ученые обращали внимание на русские переводы поэзии Вэнь Идо, исследований этих переводов все еще недостаточно. Теоретические, литературно-критические труды Вэнь Идо обогатили национальную текстологию и поэтику, оставаясь актуальными до сих пор. В стихотворении «Мертвая вода» (1925), занимающем особенное место в наследии поэта, колоритно воплотились просодические идеи, которые он развил в своей теории «Трех красот». Данная статья посвящена конкретному анализу счастливых находок и неизбежных потерь русского перевода «Мертвой воды», осуществленного известным китаеведом Г. Б. Ярославцевым (1930–2004). В результате автор приходит к выводу, что называть русский перевод вполне адекватным оригиналу нельзя, однако переводчик прекрасно показывал образный мир Вэнь Идо русским читателям.*

Ключевые слова: *Вэнь Идо, китайская поэзия, перевод, теория «Трех красот», Г. Б. Ярославцев.*

Abstract: *Wen Yido (1899–1946) was one of the most significant and distinctive Chinese poets, who paved new ways for the development of Chinese poetry in the spoken language, enriching it with new themes and new rhythms. Although, since the 1950s, many scholars have paid attention to Russian translations of Wen Yido's poetry, studies of these translations are still insufficient. Wen Yido's theoretical, literary-critical works have enriched national textology and poetics and remain relevant today. The poem «Dead Water» (1925), which occupies a special place in the poet's legacy, is a colourful representation of the prosodic ideas he developed in his theory of the «Three Beauties». This article is devoted to a concrete analysis of the happy finds and inevitable losses of the Russian translation of «Dead Water», made by a well-known Chinesophile, G. B. Yaroslavtsev (1930–2004). As a result, the author concludes that the Russian translation cannot be called quite adequate to the original, but the translator perfectly showed the figurative world of Wen Yido to Russian readers.*

Keywords: *Wen Yiduo, Chinese poetry, translation, theory of the «three beauties», G. B. Yaroslavtsev.*

В истории китайской литературы XX века Вэнь Идо (1899–1946) занимает выдающееся место. Его лирика, отличающаяся яркой романтической образностью и изяществом формы, сыграла большую роль в становлении новой китайской поэзии. Теоретические, литературно-критические труды Вэнь Идо обогатили национальную текстологию и поэтику, оставаясь актуальными до сих пор. Особенно это относится к теории «Трех красот», выдвинутой в его работе «Формы стиха» («Ши-ды гэлэй», 1926 г.). Рассматривая перспективы развития метрического стихосложения, он подчеркнул важность сочетания слухового и зрительного восприятия стихотворного текста и описал принципы, на которых оно может

базироваться. Высшей целью такого сочетания является одновременное достижение музыкальной, архитектурной и живописной красоты поэтического образа — гармонии «трех красот».

Отныне и в своем литературном творчестве Вэнь Идо стремился к достижению этой гармонии, наследуя при этом традиции национального эстетического миросозерцания, китайской мифологии и учитывая опыт западной поэзии, с которой он имел возможность близко познакомиться за годы учебы в США.

В Советском Союзе тонким исследователем художественного и теоретического наследия Вэнь Идо еще с 1950-х годов стал синолог Валерий Тимофеевич Сухоруков. В 1965 году он опубликовал содержательную статью «Вэнь Идо и новый регулярный стих», в 1968 году в Институте народов Азии АН СССР защитил диссертацию о жизненной и литературной судьбе Вэнь Идо и на ее основе выпустил монографию «Вэнь Идо: Жизнь и поэтическое творчество» — первый на русском языке научный труд, посвящен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

ный замечательному китайскому поэту. В нем весьма полно освещена высокая и трагическая судьба Вэнь Идо, павшего жертвой наемных убийц, прослежены этапы его творческого пути, показаны эстетические поиски этого «яркого романтика, горячего поклонника Китса» [1, 2].

Позже В. Т. Сухоруков составил и со своим предисловием опубликовал репрезентативный сборник лирики Вэнь Идо «Думы о хризантеме». Все произведения — в переводах известного востоковеда, знатока китайского, вьетнамского, монгольского и тайского языков Геннадия Борисовича Ярославцева (1930–2004).

Стихотворение «Мертвая вода» (1925), помещенное в сборнике, является на языке оригинала одним из самых выразительных воплощений поэтических

идей самого автора. Поэтому представляет особый интерес взглянуть в то, как это получилось в русском переводе, которому Г. Ярославцев, вне всяких сомнений, отдал немало сил [2, 151].

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ

Поэзия — литературная форма, наиболее тесно связанная с музыкой. В китайском письме слово «поэзия» (诗歌) состоит из двух иероглифов: стихотворение (诗) и песня (歌). Древние китайские стихи были музыкальными, их пели. Как отмечалось выше, Вэнь Идо разделял средства поэтического выражения на зрительные и слуховые. К последним относятся ритм, рифма и пауза, и «Мертвую воду» поэт считал в этом отношении своим наиболее удавшимся произведением.

Вэнь Идо 这是 一沟 绝望的 死水 · Чжэ ши и гоу цзюе ван дэ сы шуй, 清风 吹不起 半点 漪沦 · цин фэн чуй бу ци бань дянь и лунь · 不如 多扔些 破铜 烂铁 · Бу жу до жэнь се по тун лань те, 爽性 泼你的 剩菜 残羹 · шуан син по ни дэ шэн цай цань гэн.	Перевод Геннадия Ярославцева Вот стоячее болото с жижей липкой. Не взволнует ветер воду рябью зыбкой. Тошнотворный запах гнили не разгонит — Все живое под собою топь хоронит!
也许 铜的 要绿成 翡翠 · Е суй тун дэ яо люй чэнь фэй цуй 铁罐上 锈出 几瓣 桃花 ; Те гуань шан сю чу цзи бань тао хуа 再让 油腻 织一层 罗绮 · Цзай жань ю ни чжи и цэн ло ци 霉菌 给他 蒸出些 云霞 · мэй цзюнь гэи та чжэн чу се юн ся	Если бросить в эту жижу ржавой жести, Хлама медного, чтоб прел с трясинной вместе; Если станет малахитом рухлядь эта, Ржа на банках — нежным персиковым цветом;
让死水 酵成 一沟 绿酒 · Жань сы шуй цзюа чэн и гоу люй цзю 漂满了 珍珠 似的 白沫 ; Пяо мань лэ чжэнь чжу ши дэ бай мо 小珠们 笑声 变成 大珠 · Сяо чжу мэнь сяо шэн бянь чэн да чжу 又被 偷酒的 花蚊 咬破 · Ю бэй тоу цзю дэ хуа вэнь яо по	Желтый жир, расплывшись пестрыми кругами, Станет радужной, узорчатою тканью, А микробы, что кишат здесь и ликуют, Облака, зарю из ткани образуют;
那么 一沟 绝望的 死水 · На мэ и гоу цзюе ван дэ сы шуй 也就 夸得上 几分 鲜明 · Е цзю куа дэ шан цзи фэнь сянь мин 如果 青蛙 耐不住 寂寞 · Жу гоу цзин ва най бу чжу цзи мо 又算 死水 叫出了 歌声 · Ю суань сы шуй цзюа чу лэ гэ шэн	Если мертвая вода вином забродит И жемчужины сольются в хороводе, Вот тогда-то это смрадное болото, Может быть, за красоту похвалит кто-то!
这是 一沟 绝望的 死水 · Чжэ ши и гоу цзюе ван дэ сы шуй 这里 断不是 美的 所在 · чжэ ли дуань бу ши мэи дэ со цзай 不如 让给 丑恶 来开垦 · бу жу жан гэи чоу э лай кай кэнь 看它 造出个 什么 世界 · кань та цзао чу гэ шэнь мо ши цзе(гай)	Но болото есть болото. Это ясно. Что гниет — увя! — не может быть прекрасным. Здесь лишь мерзость — от поверхности до дна. Что ж, посмотрим, что за мир создаст она!

Ритм оригинала создается с помощью рифм и тактов, выделяемых паузами с одним силовым ударением в каждом такте (音尺). Стихотворение разделено на пять строф, каждая из которых, кроме первой, имеет рифмовку АБВВ. Во второй строфе рифмуются

слова «хуа» и «ся», а в третьей — «мо» и «по». В четвертой строфе «мин (ming)» и «шэн (sheng)» имеют одинаковую рифму (ng). Стоящие в пятой строфе «在» и «界», которые произносятся на современном китайском языке «цзай» и «цзе», не рифмуются. Од-

нако помогает влияние древней фонетики, благодаря которой «界» в большинстве китайских диалектов произносится «гай», поэтому «在» и «界» все же рифмуются.

В оригинале каждая строка состоит из девяти слогов-иероглифов и разделена на четыре такта — три двусложных и один трехсложный: «这是 | 一沟 | 绝望的 | 死水». Четыре паузы в каждой строке подчеркивают ритм стихотворения, оттеняя его музыкальность. Такой ритмический рисунок сохранить в переводе едва ли возможно, но Г. Ярославцев сумел придать музыкальную красоту и своей версии. Он в основном использовал смежную рифму ААББ, рифму «липкой — зыбкой», «разгонит — хоронит», «ликуют — образуют», «болото — кто-то», «дна — она».

АРХИТЕКТУРНОСТЬ

«Архитектурная красота» относится к зрительным средствам поэтического выражения. Вэнь Идо учитывал «квадратный» характер китайской письменности. Его «архитектурная красота» — это эманация красоты китайских пиктограмм. Количество иероглифов в каждой строке «Мертвой вода» одина-

ково, и каждые четыре строки образуют одну строфу. В каждой строке четыре паузы — три «два иероглифа» и одна «три иероглифа». В переводе также сохранены пять четырехстрочных строф, но длина русских строк не может быть одинаковой. Причем первая и последняя строфы оригинала начинаются с одной и той же строки 这是一沟绝望的死水 и перекликаются от начала до конца. В переводе им соответствуют строки, лишь частично напоминающие друг друга: «Вот стоячее болото с жижей липкой» и «Но болото есть болото. Это ясно». Видно, что Г. Ярославцев пожертвовал буквализмом формы ради адекватного воплощения содержания и порождаемых им эмоций.

ЖИВОПИСНОСТЬ

Вэнь Идо, в течение ряда лет профессионально занимавшийся живописью, в своей поэзии уделял большое внимание цветовым образам и цвету вообще. Пейзажно-медитативная элегия «Мертвая вода» в символической форме передает горькие впечатления поэта от той затхлой общественной атмосферы, которую он ощутил, вернувшись на любимую родину после учебы за границей.

Дословный перевод	Перевод Геннадия Ярославцева
Это канава с безнадежной, стоячей водой, Свежий ветерок не дует, ни малейшей ряби. Лучше бросайте больше бесполезных медных и ржавых сосудов, Вылейте остатки и помои.	Вот стоячее болото с жижей липкой. Не взволнует ветер воду рябью зыбкой. Тошнотворный запах гнили не разгонит — Все живое под собою топь хоронит!
Медь может покрыться изумрудной патиной, Жестяные банки могут заржаветь в узор из лепестков персика; Пусть жир соткет шелк и тюль, А бактерии создают облака и зарю.	Если бросить в эту жижу ржавой жести, Хлама медного, чтоб прел с трясинной вместе; Если станет малахитом рухлядь эта, Ржа на банках — нежным персиковым цветом;
Пусть стоячая вода забродит, станет зеленым вином, Испещренным белой пеной, похожей на жемчуг; Маленькие жемчужины превратились в большие жемчужины, И их укүсил комар, укравший вино.	Желтый жир, расплывшись пестрыми кругами, Станет радужной, узорчатой тканью, А микробы, что кишат здесь и ликуют, Облака, зарю из ткани образуют;
Таким образом, такая канава безнадежной, стоячей воды, Может похвастаться определенной яркостью. И если одинокие лягушки нарушат тишину, Во всех смыслах стоячая вода поет.	Если мертвая вода вином забродит И жемчужины сольются в хороводе, Вот тогда-то это смрадное болото, Может быть, за красоту похвалит кто-то!
Это канава с безнадежной, стоячей водой, Это, без сомнения, не обитель Красоты. Лучше пусть Демон Уродства вспашет его, И посмотрим, какой мир он сможет создать!	Но болото есть болото. Это ясно. Что гниет — увь! — не может быть прекрасным. Здесь лишь мерзость — от поверхности до дна. Что ж, посмотрим, что за мир создаст она!

Проявляя удивительное воображение и творческую смелость, поэт самыми изысканными красками изобразил накапливающиеся в канаве со стоячей водой неприглядные отходы человеческой жизнедеятельности: ржавые банки, помои, жирные разводы и прочее. Символическое значение этого описания очевидно. И переводчик нашел адекватные или чрезвычайно близкие к оригиналу образы: «изумруд» предстал как «малахит»,

«шелк и тюль» — «радужной, узорчатой тканью», «лепестки персика» окрасили картину «персиковым цветом». «Стоячая вода», которая забродит «зеленым вином», стала «мертвой водой», которая «вином забродит». «Облака и заря», созданные игрой «бактерий», — «облаками и зарей», вытканными «микробами».

Некоторые привходящие детали («комаров» в третьей строфе, «лягушек» — в четвертой) Ярос-

лавцев опустил, явно стремясь сосредоточить внимание читателя на обманной прелести самой воды. И с этой целью даже добавил обонятельный эффект, отсутствующий в оригинале: «Тошнотворный запах гнили не разгонит — / Все живое под собою топь хоронит».

Русская версия не вполне соответствует оригиналу — рифмовка не сохранена, порядок строк изменен, однако талантливая переводческая интерпретация Геннадия Ярославцева передает основные идеи первоисточника и позволяет русскому читателю получить достоверное представление о поэтическом методе Вэнь Идо, о его образном мире.

*Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова
Чжан Хуаньюй, аспирант
E-mail: zhydwyx@outlook.com*

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухоруков В. Т. Вэнь И-до: жизнь и творчество / В. Т. Сухоруков. — М.: Наука, 1968. — 147 с.
2. Вэнь И-до. Думы о хризантеме / пер. с кит. Г. Ярославцева; вступ. статья и примеч. В. Т. Сухорукова. — М.: Наука, 1973. — 183 с.
3. Вэнь И-до. Избранное / пер. с кит. В. Ульянова и Г. Ярославцева. — М.: Гослитиздат, 1960. — 223 с.
4. Голыгина К. И. Изучение китайской литературы в России / К. И. Голыгина, В. Ф. Сорокин. — М.: Вост. лит., 2004. — 55 с.
5. Дождливая аллея: Китайская лирика 20–30-х годов / предисл. и переводы Л. Черкасского. — М.: Наука, 1969. — 199 с.

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Zhang Huanyu, Postgraduate student
E-mail: zhydwyx@outlook.com*